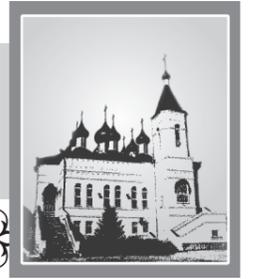

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Читая из года в год рассказ о том, как юноша подошёл ко Христу и спросил Его, каким образом может стать он совершенным, мы упускаем из внимания две черты.

Слово пастыря

Первое – мы часто думаем: значит, он отошёл от Христа и погиб? Значит, нет ему надежды, потому что он был богат и не мог сразу сбросить с себя бремя этого богатства?.. Этого Евангелие не утверждает; Христос говорит: «Как трудно богатому войти в Царство Божие...» Почему? Потому что Царство Божие – это Царство, где ничего нет, кроме любви; это Царство, которое определяется первой заповедью Блаженства: «Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное...» В чём же заключается эта бедность? В сознании, что нет у меня ничего своего, ничего, что я могу удержать, ничего, что родилось бы во мне и над чем я имел бы власть.

И на самом деле: мы призваны к бытию словом Божиим; мы живём Его милостью; мы Его знаем, потому что Он нам открылся, мы носим Его имя, потому что Он его нам дал. Тело, ум, сердце наше, дружбы наши, счастье и горе наши – вне нашей власти; и если мы так богаты бытием, и жизнью, и дружбой, и любовью, и крепостью, и немощью, то это потому, что мы Богом любимы, и потому, что мы людьми любимы... Нет у нас ничего, что мы могли бы по справедливости называть своим; но потому, что ничто не наше, и однако мы так богаты, мы должны сознавать, что мы живём любовью Божией и любовью ближнего: и это и есть Царство Божие...

Как трудно нам даётся это понять, как неохотно мы соглашаемся на то, чтобы быть только любимыми, и от любви, из любви быть такими богатыми. Богатому, тому, кто думает, что у него есть что-то своё, действительно трудно быть в Царстве, где вся радость в том, чтобы давать от всего сердца и иметь по любви Божией и по людской любви. Но и при этом мы не так легко погибам потому именно, что мы Богом любимы. Как же нам отнестись к этому?

Часто – и это вторая ошибка, которую мы делаем, – мы думаем: «Ведь не ко мне относится эта притча: чем я богат?..» А чем мы только ни богаты! За что мы только ни держимся, что мы только ни рассматриваем как свою собственность: наш ум, и наше здоровье, и наша жизнь, и то, что мы имеем, и то, к чему мы стремимся, – как трудно нам сказать, что всё это не моё!.. Как легко даже милость Божию, даже дар Божий, даже то, что принадлежит Ему безраздельно, рассматривать как своё. Каждый из нас старается быть богатым чем-нибудь...

И вот мы только тогда можем войти в Царство торжествующей, ликующей любви, когда можем сказать: «Ничто не моё – и как я любим Богом, и как меня берегут люди, и как я любим родными, и как всё дивно,

потому что я так одарён всем, хотя ничто мне не принадлежит... В начале этого евангельского рассказа юноша знает, что он богат: он выполнил все заповеди Божии, он чист перед законом, он праведен; а оказывается, что поскольку он себе это присвоит как добродетель, как уверенность на право быть спасённым, всё это стоит преградой перед ним...

Как нам надо быть осторожными по отношению к нашей собственной правде, собственной праведности, к праведности и правде церковной: они могут нас преобразить – и они могут стать для нас идолом, собственностью и нас отделить от самой жизни, от любви. Станем же учиться любить так, чтобы забыть, что у нас что-то есть, а только благодарить, радоваться о том, что нам столько дано, и тогда вся жизнь, как бы она ни была тяжела, как бы она ни была страшна, превратится в Царство Божие.

Задумаемся над этим рассказом; это даже не притча, это реально случилось с одним молодым человеком. Это же случается и с каждым из нас, когда Бог говорит: «Был ли ты верен тому образу жизни, который Я наметил для тебя словами заповедей, как отмечают путь дорожными указателями?» Хочешь достигнуть полноты – вот тебе отправная точка... И если вы были верными в этом, то поставьте перед собой другой вопрос: с каким сокровищем я не расстанусь даже и для вечной жизни?

Юноша услышал слова Христа и отошёл печальным. У него были владения земные, а у нас столько имущества не материального, но которое для нас как обуза, как цепи, нас сковывающие. Но есть в этом рассказе одна черта, которая может дать нам столько надежды: Христос не осудил этого юношу, Христос отпустил его без слова упрека; то, что Он сказал, было как зерно, посеянное в ум и сердце этого юноши. Он дал ему отойти раненным в сердце, озадаченным в уме, с призывом приступить к действию героическим усилием воли и самоотречения – как Христос сказал: «Отвергнись себя и следуй за Мною...» Куда? По путям человеческой жизни – с одной стороны, а с другой стороны – в полноту вечной жизни.

Помните: мы не уйдём из храма осуждёнными; в сегодняшнем чтении нам предложен конечный выбор, и до тех пор, пока мы боремся на земле, есть ещё время. Но не будем обманываться временем: время бежит, время летит – пусть же не окажется слишком поздно, – повернёмся к жизни, станем всем, чем мы способны быть. И ответ сегодняшнего Евангелия так прост: «Но кто же может тогда спастись?» – «Человеку это невозможно его собственными силами, но Богу всё возможно...» Это наша надежда: с нами Бог, и ничто не невозможно нам. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

Вопросы священнику

В письме свт. Игнатия встретил: «Наставников нет! Лучшие, сколько известно, настоящие оптинские. Но они исключительно телесные деятели, и потому сами во тьме ходят и последующих им держат во тьме, удовлетворяясь сами и требуя от других единственно телесного исполнения заповедей».

Что святитель понимал под словами «телесные деятели» и «телесное исполнение заповедей»?

Святой Игнатий не раз сетовал в письмах, что богодухновенных наставников, которые были в прежние времена, теперь нет. Но он вовсе не отрицал послушание, как основу монашеской жизни. Только предупреждал, что нельзя теперь применять те формы послушания, которые были у древних подвижников. Каждый святой может допустить ошибки.

Я считаю, что в характеристике оптинских старцев святитель Игнатий допустил ошибку, не увидев, что за их внешней простотой и телесностью подвигов находится глубокая духовная опытность. Думаю, что святой Игнатий проявил здесь нетерпение, если можно так сказать, не увидел воду в реке, около которой стоял. Преподобный Лев после отъезда из Оптины святого Игнатия сказал: «Если бы он остался с нами, то

был бы как преподобный Арсений Великий». Отзыв об оптинских старцах – одна из немногих ошибок святителя Игнатия, и поэтому не должна уменьшать в наших глазах огромную ценность его сочинений.

Может ли священник аннулировать одно только обручение (без венчания), или в этом случае, как и на венчание, нужно архиерейское решение?

Церковное обручение – это не таинство, а обряд, предшествующий венчанию. Отказ от совершённого обручения является нарушением слова, данного друг другу в храме.

Доложить епископу или нет – решает обручивший священник. Во всяком случае, здесь необходима исповедь и епитимья.

Как смотрит православная традиция на женщин-иконописцев?

Уже в древности были женщины-иконописцы, преимущественно в монастырях. В V-VI вв. в Иерусалиме был грузинский женский монастырь Капала, где монахини занимались перепиской книг, богато иллюстрированных миниатюрами, каждая из которых представляла собой малую икону.

Однако лично я не знаю случая в древней Церкви, когда бы женщина писала фрески на стенах храма и алтаря. Возможно, что это было связано с тем, что в алтарь женщина не должна была входить, а писать на стене, взбираясь на лестнице, считалось для женщины неудобным.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Душеполезные поучения

«Надобно стяжать сердце в духовном смысле чистое и нежное, смиренное, мягкое, которое легко чувствовало бы ядовитость каждого греха, которое болело бы от всего, что противно Святейшему Господу, и своею болью извлекало слёзы, очищающие скверны сердечные; надобно приучить его к искренности и искренней любви ко всем людям, и в частности к сострадательной любви к бедным и несчастным. Простота, искренность сердца любезны Богу. Апостолы избраны были не из премудрых и разумных людей века сего, потому что они лукавы, а из младенцев, то есть из людей, которые по своим понятиям, простоте и неспорченности подобны младенцам» (Прав. Иоанн Кронштадтский, 1829-1908).

«Кто не изумится, кто не подивится человеку, простому нравом? Или кто не привяжется к тому, в ком нет ничего коварного? Кому другому, как не им, принадлежит спасение?» (Свт. Иоанн Златоуст, † 407).

«...Мы, грешные, иногда говорим от невнимательной нашей жизни: «Я очень грешный; даже и на свете нет такого человека, как я», – но это только пустословие и одни голые слова. Если бы говорили от чувств сердечных, тогда не осуждали бы других ни в чём, не гордились бы и не гневались бы и т. д.» (Схиизумен Иоанн (Алексеев), 1873-1958).

«Каков ты в сердце, таков ты пред лицом Господа. Если ты горд в сердце, то как ни смиренный на наружно, всё Господь видит тебя гордым. Так и во всём прочем. А суд других – обманчивая лесть. Другие не знают нас, а относятся к нам хорошо, или предполагая нас добрыми, или подчиняясь закону приличия» (Свт. Феофан Затворник Вышенский, 1815-1894).

«Смиреномудрый не должен высказывать своё смирение на словах; смирение на словах есть порождение гордости и беспорядочно рождает через них матерью свою тщеславие» (Прп. Варсонофий Великий, VI в.).

«Частое повторение в твоих строках «прельщённая» ни к чему хорошему не ведёт, а пожалуй, через это ещё кичение может быть, приятное врагу. Не повторение нужно, а сознание в чувстве, окаивание себя и исправление» (Прп. Иларион Оптинский, 1805-1873).

«Будем носить истинное сокрушение в сердце, а не на языке только. Ибо я знаю многих, которые плачут о своих грехах, но ничего доброго не делают. Они постыятся, носят на себе грубую одежду, а между тем, так же жадны к деньгам, как ростовщики; предаются гневу, как свирепые звери и любят о ближнем говорить более зла, нежели другие добра. Это не покаяние, а только призрак его.

Как многие тщеславятся тем, что они не тщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию» (Свт. Иоанн Златоуст, † 407).

«Многие называют себя грешными, а может быть, и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается уничтожением (от других)» (Прп. Иоанн Лествичник, † 649).

«Отучись от прекословия и спора, отвергни их, как знамение гордыни и самолюбия» (Свт. Игнатий Брянчанинов).

Новости Православия

09.09.2013. В Турции из-за строительства шоссе хотят снести церковь. Памятник христианства, церковь пророка Илии в Измире (Смирна) в Турции, одна из немногих сохранившихся церквей в регионе, находится под угрозой из-за планов строительства нового шоссе. Министр культуры и спорта Греции Панос Панайотопулос, услышав о предполагаемом сносе одной из последних сохранившихся в Турции греческих церквей, обратилась с письмом к своим турецким коллегам, в котором он просит сохранить этот великий памятник, пишет Greek Reporter.

Храм пророка Ильи, трехнефная базилика, был выстроен в 1846 году. По сообщению экспертов, заброшенная церковь очень обветшала.

09.09.2013. Предстоятель Кипрской Церкви призвал США и их союзников нанести удар по экстремистам. Предстоятель Кипрской Церкви архиепископ Хризостом призвал США и их союзников нанести удар по «крайним экстремистам», но не по Башару аль-Асаду, который, как сказал архиепископ, «может быть и диктатор, потому что не был избран демократически, но не экстремист».

Архиепископ Хризостом всегда выступал против войны в Сирии и не скрывал своей озабоченности по поводу возможности прихода к власти «экстремистов», что, по его словам, приведёт к массовым убийствам тех, кто принадлежит к религиозному меньшинству, пишет Romfea. «Если кто-то думает, что американцы привнесут в мусульманские страны Ближнего Востока демократию Джефферсона, они не правы», – добавил он.

10.09.2013. Владимир Легойда: Румынская Церковь нарушает церковный строй. Председатель Синаодального информационного отдела Владимир Легойда в своём интервью для издания «Коммерсант» коснулся проблемы образования на территории Молдовы епархий Румынской Православной Церкви. «Вопрос лежит в плоскости двусторонних отношений Московского и Румынского Патриархатов», – отметил он. «В то же время церковные правила, которые не предусматривают более одной юрисдикции на одной и той же территории, призваны оградить христиан от недопонимания и конфликтов, которые мешают делу спасения. Решения Синода Румынской Церкви являют собой пример нарушения церковного строя, противоречат священным канонам церкви, утверждённым отцами церкви на Вселенских и Поместных соборах», – заключил Владимир Легойда.

«Несвятые святые» и другие рассказы

архимандрита Тихона (Шевкунова)

Продолжение. Начало в № 160

Вообще почти на всех дальних приходах в Псковской епархии несли служение монахи или одинокие священники. Женатым батюшкам, да ещё с детьми, здесь пришлось бы совсем туго. Отец Никита рассказывал, что за месяц у него с трудом набегало жалования рублей двадцать пять. Это и понятно: старые крестьянки, которые обычно составляли приход таких храмов, были не зажиточнее своих настоятелей. Священники помогали этим, как правило, брошенным родными детьми и внуками старухам то дров нарубить, то крышу починить. А иногда на последние копейки покупали им еду и лекарства. Деньги у батюшки появлялись, как правило, лишь тогда, когда деревенский, почти неверующий народ приходил на крестины или приносил в храм отпеть покойника. Но монахи о деньгах не думали. Или, если уж быть до конца честным, думали о них в последнюю очередь.

Заняв рубль на автобус, мы для пущей жалобности все вместе, отправились к Владыке. Дома оставили только Илью Даниловича – сторожить храм. По всей Псковщине заезжие воры то и дело грабили церкви.

В автобусе народу было немного, и мы вчетвером – отец Рафаил, отец Никита, отец Виктор и я – удобно расселись. Пассажиры поглядывали на нас с интересом, а некоторые и с умилением: в те годы нечасто удавалось встретить молодых монахов, вот так, спокойно, в рясах и с посохами, путешествующих по Советской стране.

До епархии мы добрались благополучно. Правда, так увлеклись разговором, что во Пскове чуть было не пропустили нужную остановку. Но отец Виктор в последнюю секунду закричал на весь автобус:

– Отцы! Быстро – роги мочим!

Опрометью выкатившись из автобуса, мы всё-таки успели заметить потрясённые лица пассажиров... Но нам было не до них. Впереди лежала заветная улица, которая, хотя и носила имя большевика Яна Фабрициуса, но здесь располагалось епархиальное управление с архиерейским домом. (Советская власть вообще любила предоставлять места для епархий то во 2-м Коммунистическом тупике, то на улице Карла Либкнехта.)

Владыка встретил нас в своём кабинете, сидя в глубоком кресле. Мы по очереди подошли к нему под благословение и жалобно заныли про свою горькую долю. Владыка слушал, но с места не поднимался. Это нас сразу насторожило. Может, он хотел поподробнее выяснить все обстоятельства нашего бедственного жития, а может, у него самого с деньгами сейчас было не густо. Как бы то ни было, но мы заволновались. Отец Рафаил даже вытолкнул меня – как самого маленького и худенького – вперёд. Но и это не подействовало. И тогда перед архиереем выступил отец Никита. Он никогда не был оратором, к тому же ещё и заикался, но сейчас на него – по-видимому, от голода – снизошло вдохновение:

– Владыко святой! – отчаянно начал он. – Какая жизнь, в натуре?! Держимся ваще на последних! Роги отваливаются! Денег – нет! Еды – нет! Зубы на полку ложим! П-покойников – и тех нет!

Владыка так и обмяк в своих креслах.

А нам речь понравилась, и мы дружно закивали. Хотя, конечно, отец Никита от волнения несколько необдуманно употребил воспринятые им от отца Виктора выражения. А говоря о покойниках, он, разумеется, имел в виду денежные средства, которые поступают в храм за отпева-

ния. Но всё вместе вышло, наверное, слишком уж сильно для престарелого архиерея.

– Батюшка, дорогой!.. Где ты таких слов набрался? – обратился ошеломлённый Владыка к отцу Никите.

Архиерей не слышал подобных выражений уже лет шестьдесят, с тех пор как отбывал заключение в двадцатые годы. Тут вперёд вышел Старчишка Виктор и вызвал огонь на себя.

– Владыко святой, это я, старый баклан, при нём языком мелю – никак не отвыкну. Вы уж на Никиту не сердитесь. Я во всём виноват, – покаянно забасил он и даже ударил себя в перси.

Но, видно, речь отца Никиты произвела на архиерея яркое впечатление. Он грузно поднялся из своих кресел, подошёл к столу, покряхтел немного и достал из ящика сто рублей. Нам такие деньги и не снились!

Архиерей повертел купюры в руках, прикидывая, не многовато ли будет, но не стал мелочиться и протянул деньги отцу Рафаилу как старшему.

Благословляя нас в дорогу, он всё же сказал:

– Ты, Никитушка, уж лучше того... больше церковнославянски читай!

Отец Никита горячо пообещал исправиться, и мы, счастливые, покинули архиерейский дом.

Жизнь продолжалась! Правда, был постный день, среда, и нельзя было сейчас же съесть мороженого, но мы готовы были потерпеть до завтра. Накупив еды себе и гостинцев деревенским старухам, мы вернулись домой.

А наутро пришла телеграмма из епархиального управления, в которой сообщалось, что указом митрополита Иоанна дьякон Виктор переводится из Покровского храма села Боровик в храм Архангела Михаила деревни Толбицы. В этом храме служил всеми уважаемый пожилой священник отец Андрей. Расчёт архиерея был прост – на отца Андрея жаргон дьякона уж точно не повлияет. Этот образованный, интеллигентный батюшка отсидел в лагерях, кажется, лет двадцать. При этом никто никогда не слышал от него таких слов, какими потчевал своих слушателей Старчишка дьякон Виктор.

Случай на дороге

Как-то поздним зимним вечером мы сидели в маленькой занесённой снегом избушке на приходе в Боровике у отца Никиты и попивали чаёк. За окошком трещал тридцатиградусный мороз. Было около одиннадцати часов, но спать совсем не хотелось.

– А не съездить ли нам в Толбицы к Старчишке Виктору? – предложил отец Рафаил.

Конечно, я с радостью принял предложение навестить нашего Старчишку Виктора – самого весёлого человека на свете! Отец Никита ехать с нами отказался – он хотел до завтрашнего дня записать на магнитофон все песни инока Александра, которые я собирался отвезти в Москву. Сам Александр помогал ему и тоже с нами не поехал. Бесноватый Илья Данилович читал Псалтирь и на наше предложение вовсе не отреагировал.

Отец Рафаил пошёл разогревать двигатель и включать печку, которая в «Запорожце» работает отдельно от мотора. Когда всё было готово, мы – в одних подрясниках, потому что отец Рафаил устроил в машине настоящую баню, – уселись в чёрный «Запорожец» и помчались к Старчишке. Путь предстоял километров в шестьдесят.

Была очень морозная звёздная ночь. Мы мчались, освещая снег фарами, то и дело скользя на поворотах, – резина у «Запорожца» истёрлась ещё летом. Несмотря на поздний час, Старчишка встретил нас со всем своим обычным радушием. Мы уселись пить чай с белым хлебом и вареньем и за разговорами просидели часов до двух. Службы назавтра ни у кого не предвиделось, так что мы не боя-

лись проснуться позже обычного.

Наконец мы засобирались обратно. Выйдя на улицу, я сразу околел в своём подряснике – мороз не на шутку усилился. Решив не ждать, пока прогреется кабина, мы распрощались со Старчишкой и полетели обратно в Боровик.

Но печка почему-то не включалась. Стужа пронизывала нас насквозь. Отец Рафаил пару раз останавливался и пытался что-то сделать с проклятой печкой, но безуспешно. Он и раньше гонял как сумасшедший, а теперь от холода гнал машину как только мог. Мы неслись по пустынной дороге в ледяной чёрной железке, дрожа от стужи и стуча зубами. Внезапно «Запорожец» резко понесло в сторону. Окопавшийся отец Рафаил не смог справиться с управлением, и мы вылетели в кювет, подняв тучу снежной пыли. Машина не перевернулась, но её со всех сторон плотно зажал снегом. Мы с трудом открыли дверцы и вылезли наружу. «Запорожец» до самых стёкол увяз в снегу в двух метрах от дороги. Мы сразу поняли, что вытащить его нам самим не удастся. Положение становилось отчаянным. В одних подрясниках, в тридцатиградусный мороз, в третьем часу ночи мы торчали на безлюдной трассе. До ближайшей деревни – километров пятнадцать. Первые машины пойдут в лучшем случае не раньше шести утра.

Осознав все это, я испугался. По-настоящему.

– Батюшка! – проговорил я, всем телом дрожа от страха и от лютого мороза. – Как же так? Ведь мы здесь погибнем! Может, как-то можно помолиться?.. Но что просить? Господи, достань нам из снега машину? Но это как-то даже...

Отец Рафаил вдруг так строго посмотрел на меня, что я на секунду забыл о холоде.

– Как вам не стыдно, Георгий Александрович! – возмущённо произнес он (отец Рафаил всегда называл меня Георгием Александровичем). – Как же вы можете усомниться в том, что Господь не поможет нам в такую минуту? Сейчас же молитесь!

Это было сказано настолько требовательно и даже гневно, да он ещё и ногою притопнул, что я послушно перекрестился и пролепетал:

– Господи, помоги нам!.. Сделай что-нибудь! А то мы здесь замерзнем и погибнем!..

Отец Рафаил тоже перекрестился и углубился в молитву. И вдруг... Сначала издали, а потом всё ближе явственно послышалось дивное пение какого-то мотора. От неожиданности и изумления я просто остолбенел. Повторюсь: ни по дороге к отцу Виктору, ни на обратном пути нам не встретилось ни единого автомобиля. Мы с отцом Рафаилом переглянулись, и я понял, что он потрясён не меньше моего. Звук мотора нарастал, и наконец из-за поворота вынырнул «Москвич». Мы как сумасшедшие замахали руками, и машина остановилась.

Господь Бог послал нам для спасения четырёх Ангелов – в виде четырёх пьяных офицеров, которые возвращались с какой-то гулянки. Вшестером мы обступили «Запорожец» и с трудом, но вытащили его на дорогу. Отец Рафаил отлил офицерам бензина из нашей канистры – оказалось, что бак у них почти пуст. Мы от души поблагодарили военных (а они нас) и уже со всей осторожностью помчались к Боровику. По пути, поражённые случившимся, мы долго молчали. Наконец отец Рафаил сказал:

– Вот видите, Георгий Александрович, как быстро Господь слышит молитвы мирян!

Это он имел в виду, что Господь спас нас именно по моим молитвам. Вот уж действительно этот монах всегда и во всё старался не упустить возможность смирить себя. Такой уж он был человек.

Продолжение в следующем номере

Воскресные и праздничные проповеди настоятеля церкви Покрова

Пресвятой Богородицы г. Тирасполь архимандрита Василия (Карпова) доступны для прослушивания и скачивания на сайте храма

<http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

«Каждая травка благословлена Богом»

В свечной лавке нашего храма можно приобрести освященные молитвами лекарственные сборы (легочный, почечный, печеночный, сердечно-сосудистый, от алкоголизма и пр.), составленные по советам монастырской травницы Елены Федоровны Зайцевой.

Православный календарь

15 сен., вс. – Неделя 12-я по Пятидесятнице. Мч. Маманта, отца его Феодота и матери Руфины (III). Прп. Иоанна постника, патриарха Константинопольского (595). Прп. Антония (1073) и Феодосия (1074) Печерских. Собор Саратовских святых.

16 сен., пн. – Сщмч. Анфима, еп. Никомидийского, и с ним мчч. Фефила диакона, Дорофея, Мардония, Мигдония, Петра, Индиса, Горгония, Зинона, Домны девы и Евфимия (302). Прп. Феоктиста (467). Блж. Иоанна Власатого, Ростовского чудотворца (1580).

17 сен., вт. – Прор. Боговидца Моисея (1531 до Р.Х.). Обретение мощей свт. Иоасафа, еп. Белгородского (1911). Второе обретение (1964) и перенесение мощей (1989) святителя Митрофана, епископа Воронежского. Собор Воронежских святых.

18 сен., ср. – Прор. Захарии и прав. Елисаветы (I). Прмч. Афанасия Брестского (1648). Мц. Раисы (Ираиды) (ок. 308). Блгв. кн. Глеба, во св. Крещении Давида (1015).

19 сен., чт. – Воспоминание чуда Архистратига Михаила, бывшего в Хонех (Колоссах) (IV). Мчч. Евдоксия, Зинона и Макария и с ними 1104 воинов (311-312). Прп. Давида (VI).

20 сен., пт. – Предпразднство Рождества Пресвятой Богородицы. Мч. Созонта (ок. 304). Свт. Иоанна, архиеп. Новгородского (1186). Прмч. Макария Каневского, архим. Овручского, Переяславского (1678). Прп. Макария Оптинского (1860). Мч. Евсихия (II).

21 сен., сб. – РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ. Прп. Иоанна (1957) и Георгия (1962), исповедников.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. ул. Манойлова, 57. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!